

какими неизбежно чревата речь конфетансье, это определение оказалось отнюдь не просто громким словосочетанием. Хор спел сам за себя.

Назвав программу «От фолка до джаза» — так всеохватно, пермяки и в шутку, и всерьёз заявили о масштабности взглядов и стилей. Назови они программу «От Баха до Оффенбаха», угол зрения слушателей работал бы в совершенно другом, более академичном направлении. Тему России хор подал сквозь творчество Георгия Свиридова, исполнив часть цикла «Четыре песни на слова А. Прокофьева» — без трескучего пафоса, пронесшись словно ветер в широком поле. Костюмы хора, построенные на игре форм и орнаментов в чёрно-белых тонах, тоже «звучали» как манифест о том, что сила «Млады» в единстве противоположностей, многообразии вариаций на заданную тему. В хоре есть место и квадратикам, и кружочкам, и куриным лапкам, и полосочкам. Визуальная сторона выступления, таким образом, стала одним из важных компонентов выступления, отличившимся грамотным дизайнерским решением. Но это отнюдь не оказалось упаковкой, скрывающей содержательную пустоту: смысловой наполненности в концерте было хоть отбавляй. С первых же тактов мы услышали тщательно сбалансированную вертикаль, в которой явно ощущался солидный фундамент басов, сочная плотная середина и хрустальные верха. Был задан и калибр звука — ни в коем случае не громкий, в худшем смысле «хоровой», а очень мягкий, на мещца-воче. Именно такой звук даёт слушателю огромную возможность вслушиваться, втягиваться в музыку. Вслед за Свиридовым шёл почти не исполняющийся Николай Сидельников — II и IV части из Первого Духовного концерта, написанного композитором в предчувствии своего ухода. Выбор сочинения показался неслучайным: оно дало возможность хору показать умение обращаться с модернистским композиторским слышанием духовного жанра. Финалом своеобразной «духовной трилогии» стала «Смерть и жизнь» Валерия Калистратова — V часть из оратории «Плач земли» на древнерусские тексты. Здесь хор показал свою чуткость в работе с полистилистикой, соединившей в одном пространстве элементы

настоящего фольклорного плача и щемящую, простодушную мелодичную колыбельную. Смерть и жизнь слились здесь как в рунах, в древнем орнаменте, зашифровавшем послание потомкам. Этот номер стал своего рода рубежом между мифом и реальностью, трансформировавшись из трагической кульминации в бурный поток жизни. Отдав дань духовной музыке, хор полетел по волнам своей коллективной памяти.

Слушателю не давали опомниться от восторга и удовольствия, как на пиру, переходя от попури «Мы очень любим оперу» на темы из опер русских композиторов к хоровым дайджестам национальных культур. Хор из города, где оперный театр носит имя П. И. Чайковского, конечно, не мог не привезти в главный оперный город России и «свой самовар» — контрапункты из любимых мотивов «Евгения Онегина» и «Пиковой дамы», «Снегурочки», «Князя Игоря», «Ивана Сусанина». Аранжировка радовала слух изобретательностью, не превышая нормы «сахара», неизбежного в столь сладком развлекательном жанре. В мировом хите — «Полёте шмеля» из «Сказки о царе Салтане», который стал приношением композитору, чьё имя носит Петербургская консерватория, пермский ансамбль напомнил о виртуозности Swingle Singers, взяв стремительный шмелиный темп, с которым справился не хуже высокотехнологичного симфонического насекомого. Из XIX века «Млада» «перелетела» в отечественный кинематограф XX века, представив сюиту вальсов из кинопесен. Распоряжающиеся своим вокальным ресурсом, как художник — богатой палитрой, солисты без труда имитировали черноморское утро с криками чаек, а также скрип и заедание заезженной патефонной пластинки в знаменитом «Пароходе» Н. Минха в обработке Ольги и Якова Саравайских. Лёгкость, теплота и идеальная сбалансированность вертикали снабжали хоровой звук «Млады» идеальной «проводимостью» к ушам и сердцам слушателей. В нём чувствовалась та самая транспарентность — едва ли не главное сегодня качество, без которого войти в мир европейского истеблишмента просто невозможно. Всё второе отделение хор «Млада» провёл под знаком «Вокруг света за один час». Сменились костюмы:

на смену блэк энд уайт пришла будоражащая воображение колористика, при этом не банально радужная (отсутствовал жёлтый), а построенная на переливах менее тривиальных тонов. Здесь невозможно было избежать ассоциаций с цветущим садом, звуки и ароматы которого особенно слышались в татарской народной песне «Ай былбылым» («Соловей») с феерическим пересвистом. Правда, начали вторую часть они тоже с трагической зачехлённой песни «Под ракушкой», после которой тревожно, с комом в горле слушалась и обожаемая всеми украинская «Нич яка мисячна». Виртуозно, даже ювелирно, голосок к голоску, мотивчик к мотивчику, с искрой была исполнена «Еврейская сюита» на темы еврейских народных песен также в обработке Саравайских. Артисты не могли удержаться, чтобы всем телом не показать обожания этого заводного мелоса. Своих вокальных звёздочек хор выставил в «Альпийской фантазии» на темы Вебера, Россини, Чайковского, Гайдна. С театральностью в крови они фантазировали на вкусные, экологически чистые альпийские темы, жонглируя йодлем, иронизируя на тему австро-немецкого акцента в «Хоре охотников» из «Вольного стрелка» Вебера. Не скрывал своей ностальгической любви хор и к культовой советско-азербайджанской песенке «Цыплята». Зажигательная «Кукарача» сменилась терпким, бархатным спиричуэлом «Иерихон», после которого хористы вернулись на родину, успокоив себя и полный зал слушателей шедевром советской эстрады — песней Давида Тухманова «Как прекрасен этот мир».

Дирижёр «Млады» — заслуженный деятель искусств России Ольга Выгузова — от начала до конца удивляла своей органичной пластикой и феноменальной энергетикой. О её руках можно было, кажется, сложить поэму, разразиться серией скульптурных или живописных работ: настолько завораживал её абсолютно балетный, волевой и невероятно содержательный, сверхчувствительный гипнотический жест.

«Младу», согревшую прохладный Петербург своей пермской интеллигентностью, уральским теплом и задором, не хотелось отпускать — хотелось слушать снова и снова, получать от этого чарующего звука ощущение свободы и полёта. ■